ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В.П. МОСКВИН
Волгоград

Удлинение звука в русском слове: риторический и орфоэпический аспекты

В статье охарактеризованы типы удлинения звука в риторическом и культурно-речевом аспектах данного феномена, выявлены основные функции удлинения звука, систематизированы его источники, уточнены правила произношения двойного корневого согласного.

Ключевые слова: *риторика; орфоэпия; удлинение звука; двойной согласный.*

Традиционно принято выделять два типа удлинения звуков: геминацию и эктасис.

Геминация (лат. *geminatio* ‘удвоение’) представляет собой удлинение согласного:

После такого [н:]аглого вмешательства… (Из выступления В. Жириновского на митинге, 23.02.14).

Удлинение смычных согласных, которые «тянуться» не могут, происходит за счет внутрисловной паузы, т.е. «“паузы” во время смычки», разделяющей имплозию и эксплозию [Зиндер 1979: 125; ср.: Аванесов 1972: 128]:

Только зима, да метель эта [^{б}б’]елая / Напоминают сегодня о них. (Матусовский. Романс «Белой акации гроздья душистые…», в исполнении Л. Сенчиной).

Имплозия («долгий затвор») и внутрисловная пауза создают эффект удлинения звука, но не само удлинение, поэтому применять к имплозивным звукам типа *по*[^{т}т]*вердить* термин «долгий согласный» [Касаткин, Чой 1999: 126] можно лишь условно.

Эктасис (греч. *ἔκτασις* ‘удлинение’) состоит в удлинении гласного звука «вопреки ожиданию» [Flavii 1857: 278]. Гласные, особенно ударные[1], тянутся в пении, в крике либо его имитации [Щерба 1974: 177]:

Ник[о:]лка, Ник[о:]лка – железный колпак! (Пушкин. Борис Годунов, в исполнении В. Яхонтова).

Рассмотрим функции, в которых используется фигура удлинения звука.

Удлинение звука (греч. διαστολή, лат. *prolongatio*) и пространность речи традиционно связывают с высоким стилем, сокращение и пропуск – с низким. Правило, сформулированное Деметрием Фалерским (354–283 вв. до н.э.), гласит: «Речь о предметах величественных требует удлинения колонов», и наоборот: «краткие колоны к предметам мелким применимы»; сочетание кратких колонов ученый именует «серым, скучным» [Δημητριου 1743: 7 и 4].

***Москвин Василий Павлович**, доктор филол. наук, профессор Волгоградского гос. соц.-педагогического ун-та.*
E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

[1] Считается, что «длительность является наиболее надежным признаком, по которому мы различаем ударные и безударные гласные» [Бондарко и др. 1973: 143].

92ss.pmd 54 27/04/2015, 15:32

Удлинение звука как прием замедления речи характерно для «речитативного», «высокого стиля», в частности для «ораторского» и «церковного» стилей произношения; ускорение же уместно для «общепринятого бытового (stylus communis)», а также «комического» или «театрального стиля» [The treatises… 1973: 77 и 35]. Яркий пример декламации в высоком, «речитативном» произносительном стиле – поэма А. Блока «Скифы» в исполнении В.И. Качалова:

Останов[и:]сь, прем[у:]дрый, как Эд[и:]п,/ Пред Сф[и:]нксом с др[е:]внею заг[а:]дкой!

Произношение в замедленном темпе усиливает коммуникативную позицию говорящего, «скороговорка» же производит прямо противоположный эффект.

Считается, что удлинение гласных характерно для стихотворной речи [Златоустова 1981: 72]. Это наблюдение относится в большей степени к высокому, торжественному стилю и к лирике, в меньшей – к сниженно-бытовой стихотворной речи, зачастую лишенной значимых удлинений; ср.:

Р***а***з, два, тр***и***, чет***ы***ре, п***я***ть, / В***ы***шел з***а***йчик п***о***гулять.

Если этот детский стишок исполнить в торжественном, замедленно-речитативном стиле, получим яркий бурлескный эффект[2]. Вспомним песню «Опера про зайчика» (слова Ю. Энтина, музыка М. Дунаевского) из мультфильма «Вышел зайчик погулять»:

О х о т н и к. Уми[р:а:]ет з[а:]йч[и:]к [м:о:]й!

З а я ц. Пр[и:]н[е:]с[у:]т ме[н'а:] дом[о:]й,/ окаж[у:]ся [ja:] жив[о:]й…

Замедление речи посредством удлинения звуков создает впечатление ее пространности, усиливает внушительность перечислений:

Дорогие товарищи маленькие дети! Разрешите мне от имени заводоуправл[е:]ния, отдела гл[а:]вного технолог[а:], техн[и:]ческого отдел[а:], лаборат[о:]рии, вычислительного центр[а:], завк[о:]ма, местк[о:]м[а:], комитета комсом[о:]ла передать вам маленький привет! (Ж в а н е ц к и й. Монолог «Первое сентября»).

Удлинение звука, обычно в комбинации с паузой, широко используется как прием синтагматического членения речи:

Я вчера видел рако[ф:]|| по пять рублей. (Ж в а н е ц к и й. Монолог «Я видел раков», в исполнении Р. Карцева); Это пар[о:]дии. || Куплетист п[е:]рвый, || который появляется в начале спект[а:]кля, || в сц[е:]не, || которая называется «Приморский бульв[а:]р», || на летней экстр[а:]де, || тогда это называлось «р[а:]ковина»… (А. М и р о н о в. Куплетист); Т[а:]к, || пятая пал[а:]та, || быстренько просып[а:]емся || на обх[о:ᵀт]. || Дéвицы-крас[а:]вицы, || быстренько открываем гл[а:]зоньки, || вставляем ч[е:]люсти, || обх[о:ᵀт]. (П е т р о с я н. Обход в больнице).

Удлинение звука перед паузой, членящей стих (лат. *productio ob caesuram*), издавна известно как прием ритмовки [Bedae 1975: 90]. Ср. в исполнении Вл. Высоцкого стихотворения С. Гудзенко «Мое поколение»:

Это наша судьб[а:], || это с ней мы ругались и пели, / Подымались в атак[у:] || и рвали над Бугом мосты.

Квинтилиан рекомендует использовать такое разделение длинного стиха при декламации, «дабы речь была расчлененной» [Quintiliani 1854: 214].

В публичной речи в момент подбора нужного слова ораторами используются: 1) паузы; 2) эквиваленты пауз, среди них:

а) междометия, основанные на удлинении некоторых звуков: э-э-э, *м-м-м, э-м-м, м-м-э, а-а-а*. Первое регулярно употребляется постпозитивно с предлогами. Ср. примеры из телепередач:

Мы имеем дело *сэ-э-э*… геополитическим вызовом… Какие бы у нас ни были претензии *кэ-э-э* поведению… руководства…;

б) удлинение конечного звука в слове, предшествующем еще не произнесенному и в данный момент подбираемому или вспоминаемому слову:

Мы считаем, чт[о:], несомненно, нужны ограничения и запреты для государственных служащих; Что касаетс[а:] || полномочий…

[2] Бурлеск, как известно, основан на нарочитом несоответствии формы и содержания речи.

92ss.pmd 55 27/04/2015, 15:32

Ср. также пример удлинения щелевого согласного с этой же целью:

Собрали[с':] писатели-военные, которые были в это время в Москве…

Удлинение звука может выражать различные оттенки экспрессии:

Кулак-мордово**р-р-р**от! (Н. Некрасов); Red Bull окрыл**яяяяеее**т. (Реклама напитка).

Этот же прием наблюдаем и «в подчеркнуто агрессивных репликах» [Кодзасов 2009: 144]:

Раз**з**орю!; Мме**ррр**завцы! (Салтыков-Щедрин);

Ср. также экспрессивное удлинение либо имплозию в бранных словах: *по*-[ᵈд]*онок*, *ско*[ᵗт']*ина, ко*[з':]*ел*, [с:]*обака* (в переносном значении).

Удлинение звука известно как прием эмфатического подчеркивания. Первоначально под эмфазой (греч. *ἔμφασις* 'подразумевание') было принято понимать намек, т.е. случай, когда «более оставляют догадке, чем в речь вкладывают. Достичь сего можно чрез двусмысленность и недоговоренность» (Риторика к Гереннию, I в. до н.э.) [Ciceronis 1828: 396–397]. Отсюда более узкое понимание эмфазы как «приема недоговодренности» либо нечто «чрез намек показующего» (Евстафий, XII в.):

Весь воистину меч от крови *нагрелся* [Index 1828: 438 и 152].

Речь непрямая воспринимается как эмоционально усиленная. Отсюда еще более узкое осмысление эмфазы:

1) сначала – как «бурность и неистовство», «когда повествуют о вещах ужасных», используя «указующие слова» и «риторические вопросы» (Элий Аристид, II в. н.э.) [Aristides 1829: 751–752]. Видом эмфазы в таком понимании является экзусцитация (лат. *exustio* 'сжигание') – воздействие на аудиторию неистовым проявлением эмоций; в частности эмфатическое чтение:

[Н:]ас не нужно жале[ᵗс':][3], ведь и мы никого б не жал[е:]ли./ Мы пред наши[м:] ко[м:]-бато[м:], как пред [γ:]осподо[м:] Бого[м:], чист[ы:]. (Гудзенко. Мое поколение, в исполнении В. Высоцкого).

2) позже – как прием акцентирования, в частности посредством удлинения звука, подчеркивающего семантически ключевой сегмент речи:

а) синтаксическую единицу:

Но только раздался звонок, / Удр[а:]л из ваг[о:]на щен[о:]к. (Маршак. Дама сдавала багаж, в исполнении Е. Минаевой);

б) отдельное слово:

Все это было немножко до[с:]адно / И довольно нелепо. (Блок. Она пришла с мороза, в исполнении М. Царева).

Вспомним концовку песни «Хотят ли русские войны» (слова Е. Евтушенко, муз. Э. Колмановского) в исполнении А. Эйзена:

Поймет народ любой страны – / Хотят ли [р:]усские, / Хотят ли [р:]у[с:]кие, / Хотят ли русские войны!

Прием удлинения звука обладает изобразительной силой, например при выражении семантики длительного времени:

Пока их св[а:]ришь, за пять рублей… (Жванецкий. Монолог «Я видел раков», в исполнении Р. Карцева);

интенсификации:

Торговый центр «Пегас». В с[а:]мом центре города. (Телереклама);

протяженности:

Об этой лучезарной жизни кричали пароходы на внешнем рейде, – *у**вооооо**зим* за *гран**ииииии**цу*! (А.Н. Толстой);

расстояния:

Далеко-**о-о** полетел! [Кодзасов 2009: 112 и 141].

Удлинение звуков применяется при задержке – психологическом приеме, состоящем в замедлении или приостановке повествования, чтобы предварить неожиданную информацию, заинтриговать адресата:

И тут появл**яааетсяаа**… К**аа**к вы думаете, кт**ооо**?

Задержка посредством удлинения звука является приметой парапросдо-

[3] О западнорусском, белорусском и московском «цеканье-дзеканье» см.: [Добродомов 1971: 242–243].

92ss.pmd 56 27/04/2015, 15:32

к и и (греч. *παρὰ προσδοκίαν* ‘вопреки ожиданию’) – эффекта «несоответствия ожидаемому» [Δημητριου 1743: 107].

Удлинение звука можно наблюдать в армейских и спортивных командах, где фаза замедления дает адресату возможность подготовиться к выполнению распоряжения:

Напр**аа**…во! Шаг**ооом**… Марш! На старт… Внима**ааа**ние… Марш!

Геминация может применяться для фонетического искажения, затемняющего смысл и деривационную историю слова. Так, представители дворянства, стараясь облагородить свои фамилии, применяли переносы ударений и звуковые замены, что «придавало рядовой фамилии необычность формы и звучания» [Унбегаун 1995: 250]:

Волович > Вол**л**ович, Лопа**та** > Лопа**тто**, Козёл > Ко́зе**лл**, Рыло > Рыл**л**о, Ла**па** > Ла**пп**о-Данилевский, С**ал**огуб > С**олл**огуб.

Замечено, что в некоторых случаях удлинение звука приводит к двусмыслице, а потому недопустимо:

Яко **с**ущу **С**ыну с Родителем и Духу **С**вятому **с**ущу единомудренно поклонимся. (Молитвослов); И к вам, как награда, / Наш смех донесется / Из ада. Мы дети из ада! Мы дети из ада! (Популярная песня).

Удлинение звука может иметь не только нарочитый, но и спонтанный характер. Источниками такого удлинения выступают:

1) столкновение одинаковых звуков на стыке:

а) слов:

Ангел **л**ёг у края небосклона. (Н. Гумилев); На живых порыжели от кров**и и** глины шинели. (Гудзенко);

б) морфем: ***вв****ести*;

2) ассимиляция на стыке: а) слов: *на ве*[з:]*олота*; б) морфем: *ра*[ж:]*алобить*;

3) заимствование: *мадо**нна**, **Гаа**га*.

Если нарочитое удлинение звука, рассмотренное выше, составляет риторический аспект данного феномена, то спонтанное – его культурно-речевой аспект. Так, случай *1-а* является предметом эвфонии: с одной стороны, консонантные скопления оцениваются как неблагозвучные; с другой – «для слуха приятны слияния двух *л* или двух *н*» [Δημητριου 1743: 34]. По-разному оценивается и столкновение гласных (хиатус): с одной стороны – как «дыропение» [Ανωνύμου 1834: 573], «оскорбляющее деликатный слух» [Grammont 1947: 464], причем «*и-и* шокирует больше, чем *а-э* или *о-а*» [Dupriez 1991: 209]; с другой – как фигура «фонетического плеоназма», «поэтического громогласия» [Eustathii 1827: 145].

Остальные случаи спонтанного удлинения попадают в ведение орфографии, случаи же *1-б* и *3*, т.е. слова с удвоением графемы, интересны с точки зрения орфоэпии. Под действием закона языковой экономии звуки, обозначенные графическим удвоением, часто произносятся кратко.

Удлинение согласного как в русской, так и в заимствованной лексике может сохраняться «в положении непосредственно после ударного гласного» [Аванесов 1972: 129], ср.: *карти́*[н:]*ый*, *совреме́*[н:]*ый*, *напо**ё**м*[н:]*ый* и *напо**ó**е*[н]*ый*, *со́зда*[н]*ый*, *улóже*[н]*ый*. Но: *вы́спре*[н:]*ий*, *вре́ме*[н:]*ый* (здесь правило не работает). Рассмотренная тенденция нередко абсолютизируется: «В словах иноязычного происхождения удвоенный согласный старается “сократиться” в произношении до обычного, краткого (*аттракцион, коммунизм* и т.п.), но после ударного гласного этого не происходит (*касса, вилла* и т. п.)» [Норман 2011: 155]. Однако многие заимствованные слова не подчиняются этой закономерности; ср.: *профе́*[с:]*ор* (такое произношение возможно в манерной, иронической речи, а также в «нарочито книжном стиле» [Аванесов 1972: 131]; *шо*[с:]*е́, му*[л:]*а́* (получается, что в положении перед ударным гласным долгота не должна сохраняться). Как видим, позиция по отношению к ударному гласному не является «фактором, обусловливающим обязательное появление того или иного варианта» [Каленчук 1993: 331; ср.: Аванесов 1972: 130].

На стыке морфем щелевые согласные сохраняют долготу в позиции перед гласными (*рас**с**ол*), но перед согласными, особенно взрывными [Касаткин, Чой 1999:

92ss.pmd 57 27/04/2015, 15:32

136 и 138], могут заменяться краткими: *ра*[с:]*лоить* и допустимо *ра*[с:]*лоить, ра*[с:]*телить* и допустимо *ра*[с:]лоить (наблюдается упрощение артикуляционно неблагополучных консонантных скоплений).

Долгий или функционально эквивалентный ему имплозивный корневой согласный сохраняются в словах иноязычного происхождения, если они носят книжный характер или не принадлежат к частотной лексике, т.е. еще не освоены языком:

а**нн**ибалова клятва, брави**сс**имо, капе**лл**а, мадо**нн**а, оса**нн**а, папара**цц**и, пиани**сс**имо, форти**сс**имо.

Однако поскольку для русского языка геминация в корневой морфеме нехарактерна, по мере фонетического освоения слов данного типа краткий корневой согласный становится в них, судя по рекомендациям орфоэпических словарей, либо нормален (*а*[н]*отация, гра*[м]*атика, и*[р']*еальный, коми*[с']*ия, ми*[л']*иард, па*[с]*атижи*), либо допустим (*а*[л']*юзия, генерали*[с']*имус, ди*[с]*онанс, ке*[с]*он, ми*[с']*ия*).

Действие закона языковой экономии приостанавливается в двух случаях:

1) если оппозиция «удлиненность (имплозия) / краткость» используется в дистинктивной функции, т.е. «с различительной целью» [Щерба 1957: 112], ср.:

вв**ести* и ***в**ести, по*[д]*ержать* и *подержать, вилл**ы и *вил**ы**, гам**м**а* и *гам**а**, бо**нн**а* и *бо**н**а, дро**жж**и* и *дро**жи*** (р.п. ед.ч. от слова *дрожь*), *то**нн**а* и *то**н**а* (р.п. ед.ч. от слова *тон*), *па**нн**а* и *пана* (р.п. ед.ч. от слова *пан*), *колл**е**г* и *калек, Г**аа**га* и *гага*.

Во всех этих случаях удлиненность звука поддерживается законом омонимического отталкивания. Произношение слов, требующих удвоения (например, *Гаага* с кратким звуком, как это делают некоторые дикторы), приводит к паразитарной двусмыслице на основе омонимического совпадения с другими словами;

2) если при использовании краткого звука слово искажается до такой степени, что перестает опознаваться, т.е. происходит его разрушение, ср.

ва[н:]*а* и *ва*[н]*а, ва*[с:]*ал* и *ва*[с]*ал, ка*[с:]*а* и *ка*[с]*а, ма*[н:]*а* (*небесная*) и *ма*[н]*а*, О[ᵀт]*о* и *О*[т]*о, мо*[ᵏк]*о* и *мо*[к]*о,* лит. [с:]*уда* и неправ. [с]*уда*.

Итак, сфера действия данных двух ограничений на действие закона языковой экономии охватывает и русскую, и заимствованную лексику; указанные ограничения относятся прежде всего к коротким, особенно двусложным словам[4], поскольку они чаще, чем многосложные, вступают в конфликт с требованиями: а) однозначности (чем короче слово, тем больше вероятность его омонимического совпадения с другими словами); б) ясности (короткое слово перестает опознаваться при малейшей фонетической переделке). Краткий звук в словах данного типа становится нормой, если они при таком произношении омонимически не совпадают с другими словами или легко опознаются. Однако, судя по данным словарей и произношению авторитетных носителей языка, здесь бывает допустим, на правах старшей нормы, и долгий согласный, ср.: *ба*[с:']*ейн* [Аванесов 1972: 131]. Долгий и имплозивный звуки используются также в производных от коротких слов:

а[ᵇб]ат > а[ᵇб]атиса, ка[с:]а > ка[с:]овый, ма[с:]а > ма[с:]овый, ма[с:]овка, су[м:]а > су[м:]арный, су[н:]а > су[н:]ит, су[н:]изм, то[н:]а > то[н:]аж.

Рекомендации по данному вопросу бывают противоречивы, например.: «…в слове *сумма* произносится двойное [м], а в <слове> *суммарный* – обычное, одинарное, хотя там и пишется по традиции двойная буква *м*» [Норман 2011: 155]; однако орфоэпические словари характеризуют краткий [м] в прилагательном *суммарный* лишь как допустимый, в качестве же основного варианта рекомендуют долгий [м:] [Иванова 2004: 762, Каленчук, Касаткина 2006: 425]. Противоречивы и рекомендации и самих словарей, ср.:

кла[с']ик, су[н':]ит и су[н']ит [Иванова

[4] Одним из важных факторов, оказывающих влияние на долготу/краткость произношения согласного на месте сочетаний двух согласных букв, считается количество звуков в слове [Касаткин, Чой 1999: 128].

92ss.pmd 58 27/04/2015, 15:32

2004: 762]; кла[с:’]ик, и кла[с’]ик, су[н’]ит [Каленчук, Касаткина 2006: 425].

Получается, что в первом случае недопустимо произношение *кла*[с:’]*ик*, во втором – *су*[н:’]*ит*. В таких словах по мере их освоения может становиться допустимым краткий согласный, однако старшей (а значит, более надежной) нормой является долгий.

Существует правило, по которому удвоение согласных в конце слова произносится кратко: *одна то*[н:]*а*, *но пять то*[н]. Действие этого правила приостанавливается при угрозе: а) возникновения двусмыслицы; так, принцип политкорректности требует геминации в форме р.п. мн.ч. от слова *мулла*: *му*[л:]; б) искажения слова до неузнаваемости: *ка*[с:], *ма*[с:], *су*[м:], *бо*[н:], *ва*[н:]. Р.И. Аванесов полагает, что подобные случаи «объясняются воздействием других падежных форм» [Аванесов 1972: 134], т.е. действием закона аналогии, однако в этом случае невозможно объяснить, почему данный закон не влияет на произношение таких словоформ, как *кла*[с] (ср.: *кла*[с:]*а*), *кро*[с:] (ср.: *кро*[с:]*а*) и др.

Анализируя произношение слова *Россия*, Л.Л. Касаткин и М.Ч. Чой подметили, что в нем довольно часто имеет место геминация. Думается, что здесь следует выделить два случая:

1) произношение данного слова в эмоционально нейтральном стиле, например в названии известного текста:

Александр Сергеевич Пушкин. *Клеветникам Ро*[с]*ии* (Стихотворение «Клеветникам России», в исполнении В. Золотухина).

Здесь это слово произносится без геминации, поскольку при таком произношении оно, несмотря на свою относительную краткость, во-первых, не совпадает с другими на основе омонимии; а во-вторых, хорошо опознается;

2) произношение данного слова в эмоционально отмеченном стиле. Здесь вполне может иметь место геминация, например в высоком, «речитативном» стиле:

[З:]*ачем анафемой грозите в*[ы:] *Ро*[с:]*ии?* (П у ш к и н. Клеветникам России, в исполнении В. Золотухина);

при эмфазе:

Откуда начинается Ро[с’:]*ия? С Курил, с Камчатки или с Командор?* (Б о к о в. Откуда начинается Россия, в исполнении автора).

Сделаем вывод: те слова, в которых удвоенная согласная в эмоционально нейтральном («среднем») стиле произносится кратко, в стилистически отмеченной, эмоциональной речи допускают произношение долгого корневого согласного, ср. нейтральные *профе*[с]*ор, ко*[л’]*ега* и книжные или манерно-иронические *пр*[о]*фе*[с:]*ор, к*[ол’:]*ега*; нейтральное *Ро*[с]*ия* и высокое или эмфатическое *Ро*[с:]*ия*. С этой точки зрения очень трудно принять мнение о том, что геминативное произношение слова *Россия* объясняется небольшим «количеством предшествующих <ударению> слогов», т.е. краткостью данного слова [Касаткин, Чой 1999: 60]. Думается, что риторическое, эмоционально обусловленное удлинение звука в этом слове нельзя пояснять сугубо фонологическими, орфоэпически значимыми факторами. Подчеркнем, что у риторического и орфоэпического удлинения разные причины: если первое преследует выразительные цели, то второе связано с действием ограничений на закон языковой экономии со стороны требований однозначности и ясности, что к слову *Россия* не относится.

Считается, что в фонологической системе русского языка «долгие и краткие согласные не противопоставлены», что именно в силу данной причины «возможно упрощение согласных, в результате которого вместо двух произносится один согласный» [Вербицкая 2003: 50]. Принимая данное мнение, заметим, что долготу звуков в русском языке следует охарактеризовать скорее как особенность произношения, обусловленную риторически (т.е. выразительными целями) и орфоэпически (т.е. действием ограничений на закон языковой экономии со стороны требований однозначности и ясности), чем фонемообразующий признак, подобный твердости/мягкости или звонкости / глухости.

92ss.pmd 59 27/04/2015, 15:32

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – М., 1972.

Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Щербакова Л.П. Об определении места ударения в слове // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 32. – 1973. – № 2.

Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. – М., 2003.

Добродомов И.Г. [Дз]е[тс]и в Москве // Развитие фонетики современного русского литературного языка. – М., 1971.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – М., 1979.

Златоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи. – М., 1981.

Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. – М., 2004.

Каленчук М.Л. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1993.

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. – М., 2006.

Касаткин Л.Л., Чой М.Ч. Долгота / краткость согласного на месте сочетаний двух согласных букв в современном русском литературном языке. – М., 1999.

Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. – М., 2009.

Норман Б.Ю. Русский язык в задачах и ответах. – М., 2011.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. – М., 1995.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Ανωνύμου Περί των τεσσάρων μερων του τελείον λόγου // Rhetores graeci / Ed. Ch. Walz. Vol. III. – Stuttgartiae et al., 1834.

Aristides / Ex. rec. G. Dindorfii. Vol. II. – Lipsiae, 1829.

Bedae De arte metrica // Bedae opera / Ed. C. B. Kendall. – Brepols, 1975.

The treatises of Christoph Bernhard / Transl. W. Hilse // The Music Forum / Ed. W. Mitchell & F. Selzer. – New York, 1973. – Vol. 3.

Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor. – Lipsiae, 1828.

Δημητριου Φαληρεως περί Ερμηνειας. – Glasguae, 1743.

Dupriez B. A Dictionary of Literary Devices: gradus, A-Z. – Univ. of Toronto Press, 1991.

Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem. – Lipsiae, 1827. – T. I.

Flavii Sosipatri Charisii Artis Grammatiae Libri V // Grammatici Latini / Ed. H. Keil. Vol. I. – Lipsiae, 1857.

Grammont M. Le vers francais. Ses moyens d'expression, son harmonie. – Paris, 1947.

Index in Eustathii commentaries in Homeri Iliadem et Odysseam. – Lipsiae, 1828.

Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. – Lipsiae, 1854. – Vol. II.

Вниманию читателей!

Редакция продолжает подписку на электронную версию журнала «Русский язык в школе» с приложением. Стоимость подписки на 6 месяцев 900 руб., стоимость одного номера 150 руб.

Подробности см. на сайте: http://www.riash.ru

92ss.pmd 60 27/04/2015, 15:32